

Фан Юй был потрясен улыбкой этого парня Цуй Чэна — он искренне не понимал, какое средство этот мелкий ублюдок собирается применить против младенца. Разве это нормально — в таком нежном возрасте обладать столь сильной тягой к мести?

Однако, стоило им войти в город, как Цуй Чэн, казалось, совершенно забыл о том, что только что произошло. Он непозволительно жадно уставился на торговца, делающего сахарные фигурки. Его взгляд был прямым и неотрывным, казалось, он готов был в ту же секунду броситься вперед, разве что слюнки не текли.

Торговец, заметив, что Цуй Чэн выглядит словно вырезанный из льда и слепленный из нефрита ребенок, решил, что тот — маленький господин из богатой семьи, которого дома обычно держат в ежовых рукавицах и не дают возможности отведать подобные любимые простолюдинами лакомства, а потому он сейчас так страстно и жаждет этого сахарного человечка.

Но откуда же торговцу было знать, что на самом деле Цуй Чэн просто давным-давно не ел сырого мяса, а потому вдруг заинтересовался столь реалистичными сахарными фигурками?

Добродушно улыбаясь, торговец осведомился:

— Маленький господин, не желаешь отведать сахарного человечка? Всего две вэни за штуку, до чего же вкусно!

Только вот у Цуй Чэна в карманах свистел ветер, и у него не было ни единой медной монеты.

Но поскольку он от природы ужасно дорожил своей гордостью, ему пришлось подавить неловкость и с напускной важностью заявить:

— Я отведу своего младшего брата домой, а потом вернусь и куплю у тебя сахарную фигурку.

Услышав это, Фан Юй невольно насторожился. Что это значит? Что вообще значит эта фраза — отведу своего младшего брата домой?! Домой — это куда? Неужели он собрался меня продать?!

Тело превратилось в детский организм, и разум тоже стал куда более ребячливым. Фан Юй даже забыл, что с его-то чудовищной природой, даже если бы Цуй Чэн действительно его продал, он смог бы с легкостью бежать из логова злодея, и это было бы куда лучше той жизни, в которой ему даже толком поесть не удастся.

А торговец был человеком, отлично знающим толк в торговле. Услышав слова Цуй Чэна, он не только не выказал недовольства, но и расплылся в улыбке:

— Хорошо-хорошо, маленький господин, до скорой встречи! Иди осторожнее! Отвернувшись, Цуй Чэн мысленно с облегчением выдохнул: к счастью, он не уронил достоинство перед этой толпой простых смертных!

Вместе с Фан Юем он продолжил идти вперед и, завидев неподалеку ломбард, мгновенно воодушевился и живо шмыгнул внутрь.

Увидев, что столь юный мальчик выглядит отрешенным от мирской суеты, никто в ломбарде не стал его останавливать. Работники лишь подумали, что этот парнишка наверняка родился в богатой семье и, скорее всего, притащил сюда какую-то семейную вещь, чтобы заложить ее и раздобыть немного карманных денег на баловство.

Лавочник не смел обманывать столь маленького ребенка, опасаясь, что если что-то пойдет не так, родственники юного господина явятся в ломбард и устроят проблемы. Однако, когда Цуй Чэн сорвал с шеи Фан Юя золотой замок и потребовал его продать, сердце лавочника все же невольно ёкнуло.

О боже правый, неужели этот юный господин принес в залог именной обережный замок собственного младшего брата?! А в это время Фан Юй, которого утащили вместе с Цзиньлинь, сперва просто опешил. Сообразив, что только что произошло, он тут же шмыгнул носом и во всю мочь заревел.

Хотя Фан Юй считал, что для настоящего мужчины распускать нюни — это бабство, и ему совсем не хотелось ронять своё достоинство подобным образом, но ведь эта Цзиньлинь была воплощением его маленького Духа маленького стрелолиста! Разве можно вот так запросто взять и продать её?! Фан Юй чувствовал, что ему просто необходимо выразить этому ублюдку Цуй Чэну всё, что он о нём думает.

Как говорится, благородный муж пускает в ход слова, а не кулаки, но младенец Фан Юй, которому ещё не исполнилось и ста дней, если бы заговорил человеческим языком, только сильнее напугал бы окружающих, так что ему оставалось только плакать.

Услышав плач Фан Юя, лавочник неловко улыбнулся и принялся бормотать, обращаясь к Цуй Чэну:

— Молодой господин, видит небо, это... ну как же так? Скрытый смысл заключался в том, что твой младший брат уже плачет, очевидно, он совсем не хочет этого, так что давай не будем закладывать этот замок.

Увидев такое положение дел, Цуй Чэн не удержался и слегка разозлился. Он быстро достал из-за пазухи пилюлю бигу и без лишних слов засунул её прямо в рот Фан Юю. Пилюля бигу таяла во рту моментально, поэтому в тот самый миг, когда Фан Юю впихнули лекарство, он потерял дар речи.

——! Опять за своё!

Какого чёрта! #%%**!

Лицо Фан Юя выражало крайнюю степень ярости. Он протянул руки, намереваясь вцепиться в лицо Цуй Чэню, и всем своим свирепым видом показывал, что готов превратить лицо Цуй Чэня в расцарапанное решето! Но Цуй Чэн никогда не был простым человеком: он сурово сдвинул брови и громко прикрикнул на Фан Юя:

— Паршивец, посмеешь меня поцарапать — брошу тебя здесь и больше никогда не заберу!

Фан Юй засомневался на секунду, вспомнив мягкое и умильное личико Духа маленького стрелолиста, а затем взглянув на наглую и деспотическую физиономию Цуй Чэня, и в конце концов, решившись на крайние меры, взмахнул рукой и шлёпнул Цуй Чэня по лицу!

Хлесь!!

...Ой.

Дьявол, как громко.

Все говорят, что тигру под хвост лучше не заглядывать, но на самом деле тигриному демону ещё и по лицу бить нельзя. Даже Цзянь Янь никогда не бил Цуй Чэня по лицу, так что Фан Юй своим поступком просто напророчил себе скорую гибель.

Получив пощёчину, разъяренный Цуй Чэн рявкнул:

— Цзиньлинь!!!

Услышав имя Цзиньлинь, Фан Юй не сразу сообразил, что зовут именно его. К тому моменту, как его мозг до конца переварил информацию, Цуй Чэн уже бесцеремонно усадил его на прилавок ломбарда.

Именно усадил, всё верно.

—По крайней мере, у Цуй Чэня ещё оставалась совесть: он не стал по-настоящему со злости швырять Фан Юя оземь.

У Цуй Чэня от гнева даже покраснели глаза, и он злобно бросил лавочнику:

— Я сегодня непременно заложу этот замок! Обязательно заложу!!!

Услышав это, Фан Юй захлопал глазами, но забился в угол и боялся пошевелиться: та недавняя пощёчина уже исчерпала весь его запас смелости. К тому же нынешнее географическое положение совершенно не располагало к продолжению боевых действий, поэтому он вёл себя гораздо послушнее.

—В конце концов, говорят ведь, что младенцы в семь месяцев сидят, а в восемь ползают. Хотя Фан Юй — демон-лотос, и он намного превосходит по развитию обычных детей, он всё равно не

мог избежать участи мышечной слабости и недоразвитого мозжечка. Стоило ему, трёх-четырёхмесячному малышу, чуть сильнее качнуться, как он терял равновесие. Если бы он вдруг свалился с прилавка и расшибся до полусмерти, этот маленький негодяй Цуй Чэн вряд ли смог бы о нём позаботиться.

Что же касается Духа маленького стрелолиста... э-э, он ведь наверняка сам поплетётся следом, верно?

Дух маленького стрелолиста не дурак, он точно пойдёт вслед за ними... да?

Увидев эту сцену, лавочник решил замять конфликт, чтобы избежать лишних хлопот. Он взял из рук Цуй Чэня золотой замок и внимательно осмотрел его. Заметив, что замок переливается всеми цветами радуги, отличается тончайшей работой, а вырезанные на нём узоры выглядят как живые, лавочник тут же восхищённо залюбовался вещицей, не в силах с ней расстаться.

Лавочник невольно принялся крутить её в руках, но стоило ему вспомнить, что совсем скоро этот золотой замок, скорее всего, потребуют назад, как на сердце у него скребли кошки. Однако, как говорится в поговорке, благородный муж любит богатство, но добывает его честным путём. Лавочник хоть и был тем еще лицемером, но за столько лет ведения дел научился чётко отличать то, чем можно поживиться, от того, чего касаться не стоит. Как бы сильно ни приглянулся ему этот замок, он мог предложить лишь справедливую цену и не смел замышлять дурного, чтобы завладеть этим сокровищем силой. К тому же он уже больше десятка лет занимал место лавочника и повидал немало всяких сокровищ, так что его глаза не должны были завидовать золотому замку до такой степени, чтобы идти на бесчинства.

<http://bllate.org/book/21676/2236076>